

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ: ВАЛЕРИЙ ИВЧЕНКО

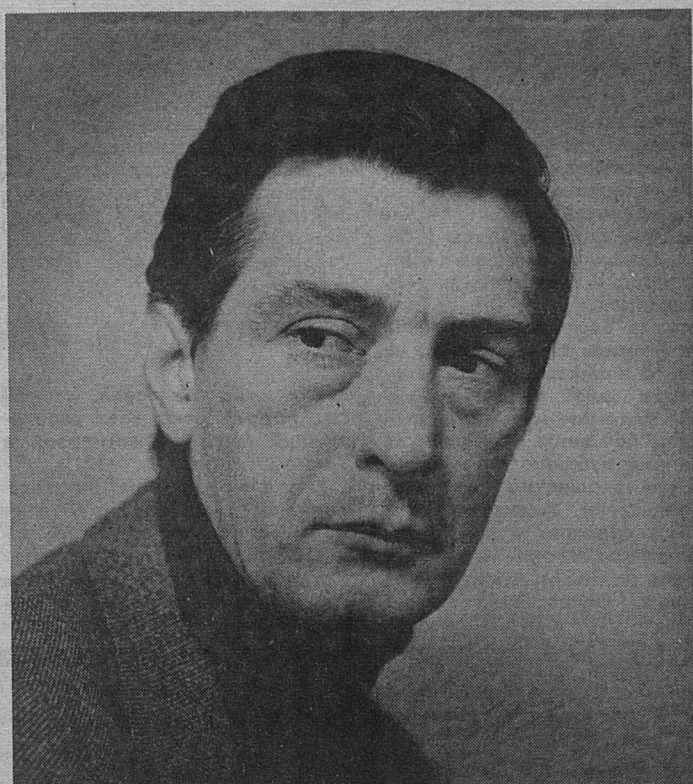
Начать хочется с лица. Оно с продольными морщинами, всегда грустными, чуть на выкате глазами напоминает скорее маску. Может, именно поэтому применительно к Валерию Ивченко часто употребляют эпитет «масочный». А первые сыгранные им на сцене Ленинградского Большого драматического театра в спектаклях «Смерть Тарелкина» и «На всякого мудреца довольно простоты» роли при поверхностном взгляде дают к этому все основания.

Но по прошествии десяти лет именно в Глумове и Тарелкине происходят изменения, которые раздвигают границы маски. То ли время другое, то ли с годами изменилось зрительское восприятие, но сейчас обращаешь внимание на какие-то другие вещи. Интрига отходит на задний план, главным же становится чудовищный эксперимент, который и один, и второй герой проводят над самим собой: Тарелкин «играет со смертью» (выражение К. Рудницкого), Глумов — с жизнью. С анатомической точностью артист исследует процесс перерождения личности в маску, отдавая при этом дань неординарности одного и второго героя. Да и то верно — ведь подобные комбинации посредственности и в голову не придут.

На одной из репетиций спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» (записи опубликованы в книге «Беседы с коллегами») В. Ивченко предположил, что его герой в сцене уничтожения писем подобен Гоголю, сжигающему второй том «Мертвых душ». Мысль довольно дерзкая. Но его Глумов — человек не последнего десятка. С самых первых минут пребывания на сцене Глумова — Ивченко ясно представляешь его прошлое. Видится некий молодой человек, много и интересно пишущий, бесконечно влюбляющийся, а главное, свободный той внутренней свободой, которая другим неведома. Но вдруг — щелчок, и человека как подменили: захотелось всего сразу и много. И это решение прибавило морщины на его лице и какого-то особенного знания во взгляде. А может, он подобно герою Достоевского задался вопросом: «А смогу ли я?». Но дальше начинался спектакль, и «смог ли?» предстояло решать зрителю.

Когда я впервые увидела Ивченко на сцене, меня поразила его способность в самый кульминационный момент роли как бы выходить из игры, на считанные доли секунды становясь посторонним наблюдателем. То вдруг среди всеобщей суматохи станет убийственно спокойным лицо Кандида Тарелкина, хотя именно он в этот момент находится в центре внимания. Или через плечо Крутицкого выглянет буравящий нас сквозь глаз Глумова, а в финале «Коварства и любви» замрет с пюпитром в руках старик Миллер, взгляд его станет каким-то поразительно отрешенным, словно не его любимая дочь остается за серым непроницаемым занавесом. Именно эти минуты статички чрезвычайно интересны. На лице Ивченко появляется печать предчувствия чего-то неоправданного.

Может, от этого каким-то особым смыслом наполняются «тюремные» сцены «Смерти

БЛАГОРОДНАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Тарелкина» — этот отдельный спектакль в спектакле. Здесь, пожалуй, единственный раз Тарелкин — Ивченко остается, а точнее будет сказать, позволяя себе остаться самим собой. Искраженное гримасой зависти, злобы лицо. И вырывающийся — нечеловеческий вопль: «Пити!..», и риторический, казалось бы, вечный вопрос: «За что, судьба, гонишь?». Кажется, что в последний раз в его душе возникают какие-то человеческие чувства. «Прощай, Тарелкин! Жизнь моя нищая, подлая, кривая!».

Но это в финале. А в первых сценах спектакля Ивченко поражает почти неуловимыми переходами от состояния к состоянию. И когда молодой, искрящийся, необычайно подвижный Кандид Тарелкин скрывается за сценой, а через некоторое время появляется в облике дряхлого развалюхи Силы Силыча Копылова, трудно сдержать вздох удивления и восхищения. Десять лет назад Валерий Ивченко — один из ведущих артистов Киевского театра имени Ивана Франко — был приглашен Георгием Александровичем Товстоноговым в труппу Большого драматического театра. Конкретно режиссер предлагал артисту только роль Сатина в «На дне», настраивая его как бы «на бег на длинную дистанцию». Труппу БДТ только что покинул Олег Борисов, но Товстоногов не желал ставить Ивченко в положение заменяющего. «Ваша индивидуальность слишком различна, но высоту его положения вы должны с моей помощью достичь неукоснительно», — писал режиссер артисту. Здесь, пожалуй, есть соблазн порассуждать над тем, почему именно с этим артистом Мастер связывал почти все свои последние искания. Но на этот вопрос мог ответить лишь сам Товстоногов. Остается только догадываться, чем бы еще они удивили, если бы все так рано не оборвалось.

При всей органичности существования в ансамбле БДТ, Ивченко как бы всегда в стороне, этаким «посторонним». Но, признаюсь, именно эта его особость и привлекает.

Кажется, что Ивченко ниче-

го не стоило бы сыграть Вурма в «Коварстве и любви» Ф. Шиллера, явиться этаким доморощенным дьяволом. Но Вурм в спектакле Темура Чхеидзе может быть только таким, каким его играет А. Толубеев, — производным от серого безвоздушного пространства. Ивченко же играет старика Миллера. И делает это удивительно. Особая посадка головы, постарчески согнутые ноги, немного высокопарный слог.

В последнее время Ивченко довольно часто появляется на кино- и телеэкране. В ролях главных и не очень. А иногда артисту достаточно появиться на несколько минут, чтобы внести в фильм свою, только ему присущую интонацию. Поэтому мне часто вспоминается маленький эпизод из ленты В. Каневского «Замри — умри — воскресни».

...Зима. Маленький, забытый Богом, городок. Нескончаемая очередь за мукой. Вдалеке появляется размытый силуэт мужчины. Рваная пластика — то ли пьяный, то ли сумасшедший. Подойдя к очереди, он никак не может понять, зачем ему нужна эта самая мука. Но заботливые старушки все же ссыпают горсть в носовую платок. «Оладушки, оладушки...», — повторяет он и тут же начинает мешать муку с дорожной грязью. На минуту камера выхватывает лицо — на нем застыла гримаса боли, отчаяния, судорожного непонимания происходящего. Этот персонаж ничем не связан с событиями фильма, но он привносит в общую его атмосферу какую-то надтреснутую, саднящую ноту.

Можно попытаться подобрать слово, наиболее точно отражающее суть этого артиста. Первое, что приходит в голову, — «вертикаль», которой всегда тесно в заданных рамках, а цель — стремление вверх.

Кстати о вертикали. На одной из репетиций «Мудреца» Г. А. Товстоногов назвал Глумова «изящной благородной вертикалью». Не правда ли, красиво! Кажется, что эти слова очень подходят и к самому Валерию Ивченко.

Майя ФОЛКИНШТЕЙН.